

Гордая наука числ гордится собственной разноречивостью. Именно различия делают ей честь как «объективной» науке. Пятерка плоха, но и хороша одновременно. Хороша тем, что ее удвоение ведет к десяти, а плоха тем, что и девятка ничуть не хуже, а как утроенная тричность, пожалуй, и лучше³³. Именно из-за священства тройки исподволь происходит реабилитация и пятерки³⁴.

В глубоких хтонических потемках архаического мышления закладывается числовой производимой магической арифметики. Правда, производимой двусторонней. Можно было и округлять до общепринятого и потому удобного³⁵. Приблизительный счет и точное ощущение — все это пластично разыгрывается в ранних алхимических сумерках, монотонно заполнивших пространство — время между дневным светом и лунным светом. Лунная и мимолетная усмешка себе на уме *Tota* — расторопного и хитроумного *Гермеса*... И только *троица* незыблема: *элохим*, *тройное единство*, еврейская (а потом и христианская) *троица*, даже при увеличении на *единицу* ею и остающаяся³⁶.

Числовая мифологема архаики, *Ветхого завета*, шумерского эпоса пластично входит в контекст рационально-чувственных алгебраических гармонизирующих построений алхимического средневековья.

Чувство числа — это именно чувство. Но и рациональное постижение тоже. Число — производное цвета, но и вторая производная вещи. Эстетически осмысленная жизнь алхимического числа — рациональная его функция. Абстракция и вещь слиты в алхимической магии числа в еще большей мере, нежели в цвете. Зато игра сведена на нет. Серьезность и неукоснительность *магических чисел* торжествует в алхимии над пла-

(2, с. 811). Сначала освящение, а затем ссылка на этот аргумент, ставший священным.

³³ «Девять человек — это большой отряд, особенно со всеми ослами, девять человек почти не уступают внушительностью десяти, а что одного не хватает, этого, если глядеть не очень пристально, даже и не заметишь» (с. 727).

³⁴ Вот что говорит Томас Мани о семи сытых и семи голодных годах, пронизательно угаданных и предсказанных *Иосифом-сновидцем*: «Так и не выяснено, было ли оно семилетием или «всего» пятилетием (Мы берем это «всего» в насмешливые кавычки, ибо прекрасной значительностью пятерка нисколько не уступает семерке)» (с. 853).

³⁵ «Иаков был... семьдесят первым из семидесяти путников, если эта цифра вообще состоятельна при дневном свете (разрядка моя.— В. Р.)» (с. 819). «...Еще он изучал периоды земли... Их было семьдесят два, ибо таково было число пятидневных недель года...» (1, с. 382—383). «...Всего заговорщиков... было семьдесят два — число многообещающее и предопределенное... имелись вполне космические причины составить именно это число» (2, с. 478). «Семьдесят душ тронулось в путь, то есть они считали, что их семьдесят; но количество это определялось не счетом числа, а внутренним ощущением, тут царил точность лунного света (разрядка тоже моя.— В. Р.)» (с. 810).

³⁶ *Ветхий завет* освящает первобытное 72, упрочив это число на два тысячелетия вперед. 72 — по 6 из 12 израилевых колен; число мужей, отобранных *Моисеем* для сакральных нужд. *Septuaginta*: семьдесят толковников переводят *Новый завет* на греческий. Уже не 72, а именно 70 — округленная версия семидесяти двух (Лверинцев, 1971б, с. 264).